

Глава 20. Четыре ученика в Зале Вечного блаженства

Шэнь Цзибай как раз мучительно размышлял, как разрешить эту нелепую ситуацию и как поступил бы на его месте наставник, когда случилось непредвиденное. Цао Юэпу потерял остатки терпения. С диким рыком он ринулся вперед и мертвой хваткой вцепился зубами в наглеца, назвавшегося учеником Пути ордена Тан. Окрестности огласились истошными воплями. Цзибай, который больше всего на свете не любил ввязываться в неприятности, понял: тихо уйти уже не получится.

Подошедший Шэнь Цзибай сначала бережно помог подняться Дун Жаню, а затем негромко, но твердо скомандовал:

— Юэпу,пусти его.

Человек-лиса неохотно разжал челюсти. Не в силах совладать со своей звериной натурой, он напоследок обиженно твякнул. Пострадавший, обливаясь слезами и соплями, принялся истошно вопить, обзывая обидчика бешеной псиной. Стоило Цао Юэпу свирепо прищуриться и зловеще оскалить клыки, как крики наглеца мгновенно переросли в испуганное икание.

Дун Жань молча отряхнул подол своего одеяния. Когда он поднял взгляд, Шэнь Цзибай уже подошел к сжимавшемуся неподалеку Лю Цзувану, помог ему подняться, а после повернулся к Тан Юю и вежливо сложил ладони в приветственном жесте:

— Почтенный брат,любой спор можно уладить миром.

Тан Юй смерил его презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Погляжу я, в вашем ордене Цисинь все обожают совать нос в чужие дела. Стоило мне проучить одного неотесанного невежу, как вы вылезли всей гурьбой! Возомнили себя великими праведниками вроде этого святоши Сун Цимина?

— Будем считать и так, — Шэнь Цзибай едва заметно и спокойно улыбнулся. Перед спесью выходцев из Пути ордена Тан он держался безупречно невозмутимо. — Раз уж мы удостоились чести перенять учение господина Сун Цимина, то защита слабых вошла у нас в привычку.

Цао Юэпу с хитрым видом подтолкнул Дун Жаня локтем в бок и зашептал:

— А старший брат горазд заливать! Я-то уж точно никакого истинного учения не видал.

Дун Жань, всегда отличавшийся молчаливостью, даже бровью не повел, проигнорировав замечание.

Лицо Тан Юя вытянулось от удивления:

— У Сун Цимина есть личные ученики?

— Разве в том, что у господина Суна есть преемники, есть что-то странное? — вопросом на вопрос ответил Шэнь Цзибай.

— Он уже много лет живет отшельником! — отрезал Тан Юй. — О его учениках никто и слыхом не слыхивал. Хватит лгать!

Шэнь Цзибай уже развернулся, собираясь уйти, но вдруг остановился, бросил через плечо бесстрастный взгляд и с вежливой ядовитостью спросил:

— А разве Сун Цимин обязан докладывать о каждом своем шаге именно вам?

Тан Юй побелел от злости, он заскрежетал зубами так, что те, казалось, вот-вот раскрошатся.

— Да плевать мне, чей ты щенок! — прорычал он. — Ты мне за сапог заплатишь или нет? Не отдашь серебро — я пожалуюсь учителю, и тогда вы отсюда живыми не уберетесь!

Шэнь Цзибай скривился в отвращении:

— Чуть испачкал обувь — и сразу бежишь плакаться наставнику? Какое убожество.

Тан Юй едва не задохнулся от ярости:

— Да кто ты такой, шваль!? Как ты смеешь стоять на пути у воина Пути ордена Тан!

В этот момент из-за спины Шэнь Цзибая высунулся улыбающийся Лю Цзуван. Он примиряюще поднял ладонь с растопыренными пальцами и негромко шепнул:

— Старший брат, позволь вмешаться. Красная цена этим сапогам — пятьсот ланей, не больше.

— Прекрасно, — кивнул Шэнь Цзибай.

— Ты что, ослеп, ублюдок? — взвился Тан Юй. — Пятьсот ланей?! Да тут один сапфир стоит целое состояние! А парча? Такую ткань простолюдины вроде вас даже во сне не увидят! Золотую вышивку лучшие мастера выводили тридцать девять дней! Я эти сапоги с таким трудом раздобыл, а ты смеешь говорить про пятьсот ланей?!

— Если мои глаза мне не врут, — со скромной улыбкой возразил Лю Цзуван, — обувь эта сшита в мастерских дома Лю. Золотая нить, ткань и подошва действительно превосходной выделки. Но что касается лазурита, который вы выдаете за благородный сапфир... Прошу простить мою дерзость, я сам много лет трудился у Лю и отлично знаю, что они никогда не завышали цену на этот дешевый поделочный камень.

Лицо Тан Юя пошло пятнами. Он никак не ожидал встретить здесь знатока. К тому же в голове назойливо всплыло напутствие учителя: «До поры до времени не привлекай к себе внимания». Конечно, это означало лишь одно — когда пробьет час, все эти выскочки до единого найдут смерть от его клинка. Но сейчас нужно было затаиться.

Не успел Тан Юй опомниться, как в его пальцах оказалась зажата хрустящая бумажка номиналом в пятьсот ланей. Стоявший напротив Шэнь Цзибай ловким движением убрал мешочек Цянькунь в рукав, небрежно вскинул руки в прощальном жесте и произнес:

— Держи свое серебро, почтенный. Прощай.

Развернувшись на каблуках, он увлек за собой младших братьев.

Солнце медленно тонуло в багряных тучах. Когда Шэнь Цзибай вместе с младшими переходил каменный мост, высоко в небе над ними с тихим криком пролетела стая белых журавлей.

Цао Юэпу, плетущийся в самом хвосте, лениво поинтересовался:

— Старший брат Шэнь, а откуда у тебя вообще взялись эти пятьсот ланей?

— Из мешочка Цянькунь нашего уважаемого учителя, — невозмутимо отозвался Шэнь Цзибай.

Человек-лиса, еще не сообразив, чем это грозит, задумчиво потер ладони, оттирая грязь:

— А-а, из тайника старика... Там и правда полно всяких диковинных сокровищ. Слушайте, у меня в животе от голода урчит. Это все из-за драки, точно говорю!

— А раз так, — Шэнь Цзибай обернулся и лукаво прищурился, — эти пятьсот ланей вам придется вернуть учителю из собственного кармана. И желательно побыстрее. Если старик узнает, каких дел вы тут наворотили, то заставит вас медитировать в пещере до скончания веков.

Цао Юэпу так и застыл с открытым ртом, ошарашенно уставившись на брата:

— Погоди, старший! С какой стати?! Я вообще ни при чем!

Шэнь Цзибай лишь усмехнулся и не спеша пошел дальше:

— Да ну? А кто минуту назад с таким упоением грыз чужую ногу?

Лю Цзуван тихо прыснул в кулак:

— И верно говорят: припрешь лису к стене — она и загрызть может.

— Замолчи, Лю Цзуван! — взвился человек-лиса. — Из-за тебя же все началось!

— Брат Цао, ты же сам всегда твердил, что мы должны делить и горе, и радость поровну, — мягко парировал Лю Цзуван.

— Но не долги же перед учителем делить, чтоб тебя!

Столица Ичэн

В это же время в столице бушевала неистовая метель. Император И по-прежнему держал город на осадном положении, закрыв все ворота. Тайные соглядатаи, подсланные Путем ордена Тан в высшие круги знати, пока не выдавали себя, выжидая удобного момента. Тем временем в Восточном дворце наследный принц И Хуа уже отдал приказ тайно разведать, куда исчез Сун Цимин. Над империей сгущались тучи, и от бывшего мнимого спокойствия не осталось и следа.

Сун Цимин как раз увлеченно расписывал Тао Жую, какую умопомрачительную красавицу он повстречал сегодня в винокурне, как вдруг оглушительно чихнул. От этого внезапного «апчхи!» глиняная чарка в руке его собеседника дрогнула трижды, едва не расплескав содержимое.

Тао Жуй добродушно рассмеялся:

— Ого, брат Цимин, похоже, кто-то перемывает тебе косточки за спиной.

Сун Цимин поежился от пробежавшего по спине холодка и озадаченно почесал кончик носа:

— И кому только неймется?

— Дай-ка подумать, — прищурился Тао Жуй. — Может, высокопоставленным господам из Восточного дворца столицы? Или старейшинам Пути ордена Тан, которые так жаждут переманить тебя на свою сторону?

— Ну и шуточки у тебя, старик, — фыркнул Сун Цимин. — Наследному принцу некогда вздохнуть от государственных забот, с чего бы ему интересоваться моей скромной персоной? А что до ищеек из Пути ордена Тан... Эти стервятники не успокоятся, пока не расшибут лоб. Небось и тебя пытались затащить на свою дырявую посудину?

— «Дырявая посудина» — отменно сказано! — оценил Тао Жуй.

Сун Цимин тоже не удержался от смеха.

Они понимающе чокнулись чарками. В этот самый момент тяжелый засов скрежетнул, и дверь темницы со скрипом отворилась. На пороге возник закованный в доспехи стражник. Оглядев пустую камеру, он с подозрением уставился на узника:

— С кем это ты тут разговариваешь?

Тао Жуй, небрежно опершись локтем о низкий столик и покачивая чаркой, ответил с абсолютным спокойствием:

— Сам с собой, любезный.

За узким тюремным оконцем завывала буря. Сквозняк безжалостно трепал пламя одинокой свечи, отбрасывая на каменные стены причудливые тени. В колеблющемся свете остывающий чай отливал тусклым золотом. Тао Жуй перевел взгляд на дверной проем.

Там, за спиной стражника, стоял молодой человек в роскошном желтом одеянии. Он смотрел на узника сосредоточенно и глубоко.

— Учитель, — негромко произнес он.

Сун Цимин знал о наследном принце И Хуа лишь благодаря дружбе с Тао Жуем. Наследник Восточного дворца Ичэна славился умом и негибимой волей. Еще ребенком он заслужил признание императора и присутствовал на советах, где порой высказывал суждения столь зрелые, что заставлял умолкнуть седовласых министров. В девятнадцать лет И Хуа, приняв звание генерала Северного города, лично возглавлял поход против северных варваров и разбил их полчища в восьми жестоких сражениях. Когда он вернулся с победой, ликующая столица встречала его как избавителя. Простые люди кричали вслед его коню: «Генерал Северного города! Император — наше небо, но вы — наша твердыня!»

Увы, у этого триумфа была и обратная сторона. Старейший Император И, чей разум давно

замутили нашептывания льстецов и корыстных чиновников, впал в черную меланхолию и паранойю. В каждом шаге сына ему мерещился заговор, он панически боялся, что прославленный генерал свергнет его. Трусливый правитель лишил наследника всякого влияния. Принца отстранили от дел, окружили шпионами, осыпали беспочвенными упреками и даже перестали приглашать на семейные празднества во дворец.

Тао Жуй был тем самым человеком, который на протяжении десяти лет наставлял юного И Хуа в науках и военном искусстве. В глазах простых смертных он числился лишь бродячим совершенствующимся, вольным бессмертным. И хотя законы небес строго запрещали являть чудеса в мире смертных, даже будучи закованным в кандалы в этой сырой темнице, Тао Жуй при желании мог бы покинуть ее в мгновение ока. Но он не уходил.

Тао Жуй медленно опустился на колени перед решеткой и склонил голову:

— Тао Жуй приветствует Его Высочество наследного принца.

Стражник бесшумно удалился, оставив их наедине. И Хуа стоял в дверном проеме, словно изваяние. В полумраке темницы невозможно было разглядеть выражение его лица, но голос принца прозвучал глухо и надтреснуто:

— Почему ты не бежал, учитель? Ведь я лично приказал страже открыть для тебя проход.

Тао Жуй не шелохнулся, по-прежнему прижимаясь лбом к холодному каменному полу, не произнося ни слова.

И Хуа скользнул взглядом по столу и задержался на второй чарке, от которой еще поднимался едва заметный пар. Помолчав некоторое время, принц горько и коротко усмехнулся:

— Похоже, сегодня у вас уже побывал гость. Не стану мешать вашей беседе.

С этими словами он резко развернулся и скрылся в темноте коридора.

— А ведь в детстве И Хуа был таким славным мальчуганом, — тихо заговорил Тао Жуй, когда шаги принца стихли. Из-за выпитого вина его голос дрожал от сдерживаемой горечи. — Вечно таскал меня то на рыбалку, то сверчков ловить... А теперь? Все эти годы он не щадил себя ради страны и ради неблагодарного отца, проливал кровь в седле, заработал десятки шрамов. Помню, вернулся из того похода, весь израненный, но улыбается и рассказывает, какое вкусное на севере кобылье молоко... Он принял свой долг, стал истинным наследником престола. Но за что ему все это? Как с ним поступает собственный отец? Этот старый маразматик, этот трусливый...

Сун Цимин, бесшумно соткавшийся из воздуха прямо за спиной друга, мгновенно зажал ему рот ладонью:

— Тише ты, полоумный! Хочешь, чтобы сюда сбежалась вся стража дворца?

Тао Жуй, окончательно захмелев, попытался вырваться и воинственно замахал руками:

— А пускай бегут! Мне-то что? Да я их всех одной левой уложу!

[Поздравляем! Вы успешно завершили побочное задание.]

[Полученные награды:]

[- Лунные камни: +20 единиц]

[- Нефритовая подвеска «Сердце лотоса»: 1 шт.]

[- Очки морали: +1 пункт]

Сун Цимин лишь тяжело и обреченно вздохнул. Он прекрасно понимал, что ушедший принц И Хуа наверняка затаился за углом и слышал каждое слово своего пьяного учителя. Впрочем, вмешиваться в семейные драмы императорского дома Цимин не планировал. Легким движением стряхнув пылинки с широких рукавов своего халата, бессмертный растворился в воздухе, оставив темницу столь же бесшумно, как и появился в ней.

<http://bllate.org/book/20145/2162506>